

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р24

Оформление *Андрея Саукова*

Распутин, Валентин Григорьевич.

Р24 Нежданно-негаданно / Валентин Распутин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 192 с.

ISBN 978-5-699-89073-6

В. Г. Распутин написал в 90-х годах XX века цикл рассказов о Сене Позднякове, в прошлом «пьянице-забудыге», неизвестно откуда появившемся в деревне Заморы, а ныне человеке, осознающем себя частью круговорота крестьянского бытия, думающем о себе и государстве, — и показал пробуждение и возрождение личности, ее упорство при столкновении с негативными социально-общественными явлениями. Поздняков, несмотря на свою незащищенность перед жестокостью современного мира, полон созидательной энергии, поэтому рядом с ним другой человек может обрести душевное равновесие.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Распутин В.Г., наследники, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016

ISBN 978-5-699-89073-6

Из цикла рассказов о СЕНЕ Позднякове

СЕНЯ ЕДЕТ

С еня Поздняков, в отличие от других, прозвищами себя награждал сам. Да так удачно, что они прилипали. Пока бродяжничал, бичевал — был Бродя, покончил в один прекрасный день с беспутной жизнью, отхватил лучшую в деревне невесту — стал «наш орел». А Заморы вдобавок окрестили его, как и всякого бы приставшего со стороны, «поселенцем». Каждое прозвище имело свое употребление: говорили хорошо и за глаза — «поселенец», посмеивались с издевкой в Сенином же присутствии — «наш орел». Но как-то так получалось, что в том и другом случаях — и когда похваливали, и когда на смех подымали — относились к Сене, будто к сироте, с добродушием. Был он мужик безвредный, услужливый, улыбочивый. И только у Гали, у жены, вырывалось раза два или три:

— Погубил ты меня, Сеня. Такую бабу погубил!

Галя знала себе цену. Сене же цена была небольшая. Когда-то он читал книжки, вышел из приличной городской семьи, окончил школу и готовился к жизни всерьез. Но после армии понесло его по романтической части, об уроках которой деревня знала наизусть из песни, распеваемой не однажды «нашим орлом» при его продвижении к дому:

Ах ты, сука-романтика!
Ах ты, Братская ГЭС!
Я приехала с бантиком.
А уехала — без.

Трагические эти строки продолжения не имели. Сеня выдирал их из груди с такой болью, с таким отчаянием, что они пронизывали всю улицу, откашливался громко избыточным страданием и начинал сначала. На пение выходила Галя, и тогда оно прекращалось на середине.

В Заморы он прибыл, разумеется, уже «без бантика». Не было при нем, кроме того, ни трудовой книжки, ни паспорта. Не было и рубахи. Его «явление» до сих пор не забыто, хотя и случилось оно больше четверти века назад, когда с рейсового теплохода вслед за прибывшими чинно и благородно пассажирами за руки, за ноги вынесли бездыханное тело неизвестного, бросили, как мешок, под молчаливые взгляды местного народа на берег и отчалили.

Вопросы: кто, откуда, к кому, зачем? — появились лишь после того, как белый пароход, взбучивая воду, поддал жару на своем пути из Иркутска в Братск. Отвечать было некому, молодой мужик со следами безуспешной борьбы с пьянством не подавал признаков жизни. До того, как расходиться, затащили его под дырявый навес для встречающих-проводящих и оставили под надзором собак. До сумерек перебивали у него чуть не от каждого дома и с облегчением отходили: не довел Господь до знакомства и уж тем более до родства с этой пропащей душой. В сумерки, чтобы не брать на себя грех за несмотр, заставили парней прибрать незнакомца в ближайшую баньку, которая и оказалась баней Стуковых.

Дело было по осени, в сентябре, а за два месяца до того Галя Стукова вернулась в родные Заморы, чтобы после трехлетней учебы принять от родной матери здешний фельдшерский пункт. Ей и выпало отважиться с Сеней, возвращая его к жизни. Она первой и услышала скорбную историю его жизни, последняя страница которой осталась за границами памяти: поехал с такими же, как он, вербованными, к месту очередной работы и вот... не доехал. Местные ухари, только-только начинавшие делать возле красавицы Гали боязливые круги, и охнуть не успели,

как сброшенное мертвяком с парохода тело поднялось на ноги, оделось в штаны и рубаху Петра Андреевича, начальника участка, и заявило, что оно — «наш орел». Заявило раньше, чем Галя, Петр Андреевич и Вера Васильевна, все вместе и каждый в отдельности, успели рассмотреть, что это за птица и с какой целью она спикировала на их семью. Галина мама до самой смерти не могла прийти в себя от изумления, что же это, что за наваждение нашло тогда на них, если на глазах у не слабых умом родителей было похищено дитя. Да так похищено, что его же, похитителя, еще и обихаживать пришлось, чтобы не позориться перед людьми.

Теперь Веры Васильевны в живых давно нет, Петр Андреевич доживал век у старшего сына в городе, а «наш орел» успел растерять свои перышки. Усохший, потрепанный водкой, с затухающей порывистостью, он сохранил лишь одно — чистые свои голубенькие глазки на морщинистом лице. Полгода назад, с укоротом леспромхозовских работ отправленный на пенсию, Сеня свершил подвиг жизни — бросил пить. Пить бросил, но бодрости не приобрел; следовало бросить раньше. И все чаще, откачиваясь от дела, оцепеневал он по-каменному, уставившись куда-то перед собой без памяти и мысли.

И только Галя, по-прежнему красивая, прямая, выше Сени, с сильным телом, неразношенная, — только Галя была хоть куда. С медициной Гале пришлось расстаться, и не только Гале, а всему поселку: новые порядки, борясь со старыми, боролись и со всем, что было при старых, в том числе и с людьми, отказывая им в лекарствах. Полтора года назад медпункт закрыли. Сын и дочь у Сени с Галей, взяв годы, не задержались в деревне и жили в городе своими семьями, имея и от себя — наперекрест — мальчика и девочку. Ради горожан, задавленных ценами, приходилось держать большое хозяйство: две дойные коровы, две свиньи, пять овец, куриц, огород — крутежу хватало от зари до зари. В сорок пять «баба ягодка опять», а сама у себя в скотницах, в огородниках, кухарках. Сеня в рабочей упряжке и с рюмкой помогал лучше, чем теперь, освободившись от того и другого.

Хватила Сеню, как сказали бы раньше, лихоманка.

Телевизор включали редко. Когда полон двор животины и страда подгоняет страду, не до того, чтобы пялиться в телевизор. Его и в каждой избе держали больше для обзаведенья, чем для применения.

А тут Сеня на беду свою как-то нажал на кнопку включателя. Началась эта история,

когда он еще работал. Нажал на кнопку — и вдруг без всякой настройки, как там и сидела, наплыла на него такая картина, что Сеня попятился. Сдернул он ее с помощью той же кнопки и, глядя испуганно на затмевающийся экран, соображал: Китай, что ли, опять балуется?.. Одно время было: включаешь Москву, а попадаешь в Китай, на оперу. Сеня для проверки снова толкнул кнопку и снова вытолкнул напугавшее его зрелище. Китай или допился? Диверсия по средству массовой информации или чертики? До чертиков у него однажды доходило, но они чертиками и оставались, за границы не переходили. Тут же... Сеня заставил себя всмотреться. Тут же шла самая настоящая... Сеня знал, как это называется... да ведь как бы ни называлось, а дело это не для показа. Допился. Он отжал опять кнопку, выдернул шнур из розетки и, раздеваясь на ночь, набросил на мерцающее пучеглазие телевизора штаны. Пили в гараже какую-то дрянь из большой иностранной бутылки, даже и не забрало как следует, а вот поди ж ты, куда ударило.

Подмывало проверить видение на Гале, но Галя, когда являлся он под «братским бантиком», стелила себе отдельно.

Утром Сеня прислушивался в гараже: видели или не видели? Никто ничего. «Звоно-

чек, — решил он. — Второй. Непростой, с поворотом. Нет, надо завязывать».

Но сомнение оставалось. Не давало согласиться это самое дело, куда произошел поворот. Никогда Сеня на него особенно не упирал, никогда оно ему белый свет не застило. Поддержать «фольклор» в мужских разговорах мог, но не до затмения ума. Что-то тут было не то. Сеня стал включать телевизор не просто так, чтобы охолонуть с работы под культурой и политикой, а чтобы поискать следы того, что ему померещилось. Теперь, когда он взялся всматриваться внимательней, то увидел много интересного, чего раньше, включаясь на минуту-вторую, не замечал. Из лесу далеко не углядишь, но ведь вот он, глаз-то: пока они жили по старинке, произошел форменный разворот на все градусы от указанного раньше направления жизни. Никто не работает, все веселятся. Никто не ходит пешком, все катаются на машинах. Длинные, членистые, как вздыбленные лохматые гусеницы, наплодились песенники, которые, извиваясь и дергаясь, будто под током, выкрикивают под грохот техники какие-то страсти, а полоумная пацанва, огромная, дикая, из одних ревущих ртов, сплетаясь голыми руками и раскачиваясь, катит встречный жуткий рев. Потом рев мотора — и трах-тарарах по мозгам: поку-

пайте! покупайте! покупайте! А на что покупать, на какие шиши, зарплату третий месяц не дают! А тем хоть бы хны — светоизвержение! Покупайте, продавайте, прыгайте, стреляйте, война, кровь, замогильные голоса — и вот!..

— Галя! — взревел Сеня. — Галя! Быстро! — И вскочил навстречу: — Где ты?

— Чего орешь дурноматом! Что у тебя?

— Ты погляди.

Галя взглянула, сплюнула и выключила.

— Чего уставился-то на срамоту? Делать нечего? Совсем рехнулся!

— Но ведь показывают!

— Не смотри. Не для нас с тобой показывают.

— А для кого?

— Для шибко умных.

Можно, конечно, и не смотреть. Но ведь если показывают, то и смотрят. Город весь утонул в телевизоре, а у него там дети, внуки подрастают. Что же это происходит, почему стало позволено? Ведь это же, ясное дело, не от недосмотра, это политика такая. Запрягли так и поехали. Куда? Не сегодня поехали, видно, что раскатились. Где ты летал, «наш орел», куда смотрел, если главного не видел? Не смотри. Не заметишь, как под порог подкатит, нагишом по улице ходить заставят.

Нет, не мог успокоиться Сеня. Подступала, как он называл ее, «боевая готовность» — возбуждение, которое охватывало его, к примеру, в сенокос, пока не подобран последний клочок сена. До тех пор он ни о чем не мог подумать, никакой рюмкой его было не взять. И вот теперь входило в него то же самое, единственное, забиравшее полностью.

Вечером, как сели за ужин, Сеня не утерпел:

— А если бы нас с тобой так, а?

— Что у тебя опять такое?

— А если бы нас... Мы бы с тобой легли, а нас бы это хайло, это пучило, — Сеня кивнул на телевизор, и показалось ему, что тот еще больше залоснился от удовольствия, словно бы принял предложение, — на весь свет... Поглянулось бы тебе?

— Уймись, Сеня!

— Я понимаю, без этого нельзя. Но почему на люди-то? Это же наше с тобой. А они — как собаки, хуже собак. Ты посмотри...

Что заставило Сению толкнуть телевизор, он и сам не знал. Но вышло к месту. Телевизор загудел-зашипел и накатил на Галю с Сеней картинку... они и ведать не ведали, что такое бывает: что-то, как огромный паук, белое, многоногое, многоголовое, голое, извивающееся и жуткое. Галя пропавшим вдруг голосом, на хрипе, вздымаясь над Сеней:

— Ты что себе позволяешь?! Ты что делаешь?!

— Я-то почему делаю? Это он, они делают...

— Ты что мне подстроил?

— Как я мог подстроить? Думай маленько. — Паук между тем разворачивался, показывая себя со всех сторон, опадал и вздымался. Сеня подумал: а почему он, собственно, оправдывается? Тут разве оправдываться надо? Тут разве между собой надо цапаться? Он заставил паука согнуться, с трудом удержался, чтобы не отправить вслед за ним и весь телевизор, и провозгласил вслед:

— Ди-вер-сия!

— Чего-о?

— Диверсия на бытовом уровне. Дерут сразу и через голову, и через это место. Ничче, поглядим, — угрожающе добавил Сеня и поднялся, готовый ко всему.

В гараже он приступил к мужикам:

— Телевизор смотрите?

— А чего... там... смотреть? — тяжело вырубая изнутри слова, отвечивал Вася Соменов, угрюмый без бутылки, грубого, без отделки, покроя мужик из слесарей. Он и отозвался лишь потому, что сварганили бутылку. — Там... одна... — Вася матом обозначил два предмета интереса телевизора — политику и эту самую, в которую ударился лбом Сеня.

Видят, значит, все видят, не он один. Грубый народ, а не одобряет.

— Мужики, а почему мы терпим-то? Почему позволяем? Нас с головой туда... Это культура, что ли? Там культуру должны двигать, а они что?! Мы без них, что ли, с бабой не справимся?

— Справимся, — подтвердил Вася.

— Чего ты, дядь Сень, — вмешался Генка, парнишка, убивающий в гараже год от школы до армии. За работой на побегушках, а как до выпивки — чувствовал он себя среди мужиков ровней. Генка только что доставил бутылку и был еще на высоте подвига. — Разошелся, будто вчера в первый раз увидел. Давно кажут.

— Давно... кажут... — согласился Вася. — Лоханка.

— Как демократию провели — сразу. Уж все на десять рядов обказали. В кино еще больше кажут.

— И кино... лоханка!

Рогов, бригадир, добавил, открывая бутылку:

— На голову встали, а ноги задрали — вот она и заголилась, механика-то. Вот и навалились.

— Мужики, а что делать-то будем? — не унимался Сеня.